

Евг. ПЕРМЯК

Чужая
КАЛИТКА

Д Е Т Г И Э

050

Евг. ПЕРМЯК

Чужая КАЛИТКА

Рисунки П. АСеева

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА · 1962

ПЕРВАЯ РЫБКА

Юра жил в большой и дружной семье. Все в этой семье работали. Только один Юра не работал. Ему всего пять лет было.

Один раз поехала Юрина семья рыбу ловить и уху варить. Много рыбы поймали и всю бабушке отдали. Юра

тоже одну рыбку поймал. Ерша. И тоже бабушке отдал.
Для ухи.

Сварила бабушка уху. Вся семья на берегу вокруг котелка уселась и давай уху нахваливать:

— Оттого наша уха вкусна, что Юра большущего ерша поймал.

— Потому наша уха жирна да навариста, что ершище жирнее сома.

А Юра хоть и маленький был, а понимал, что взрослые шутят. Велик ли навар от крохотного ершишки? Но он всё равно радовался. Радовался потому, что в большой семейной ухе была и его маленькая рыбка.

ТОРОПЛИВЫЙ НОЖИК

Строгал Митя палочку, строгал-да бросил. Косая палочка получилась. Неровная. Некрасивая.

— Как же это так?— спрашивает Митю отец.

— Ножик плохой,— отвечает Митя.— Косо строгает.

— Да нет,— говорит отец,— ножик хороший. Он только торопливый. Его нужно терпению выучить.

— А как?— спрашивает Митя.

— А вот так,— сказал отец. Взял палочку да принялся её строгать потихонечку, полегонечку, осторожно.

Понял Митя, как нужно ножик терпению учить, и тоже стал строгать потихонечку, полегонечку, осторожно.

Долго торопливый ножик не хотел слушаться. Торопился: то вкривь, то вкось норовил вильнуть, да не вышло. Заставил его Митя терпеливым быть.

Хорошо стал строгать ножик. Ровно. Красиво. Послушно.

КАК МАША СТАЛА БОЛЬШОЙ

Маленькая Маша очень хотела вырасти. Очень. А как это сделать, она не знала. Всё перепробовала. И в маминых туфлях ходила. И в бабушкином капоте сидела. И причёску, как у тёти Кати, делала. И бусы примеряла. И часы на руку надевала.

Ничего не получалось. Только смеялись над ней да подшучивали.

Один раз как-то Маша вздумала пол подметать. И подмела. Да так хорошо подмела, что даже мама удивилась:

— Машенька! Да неужели ты у нас большая становишься?

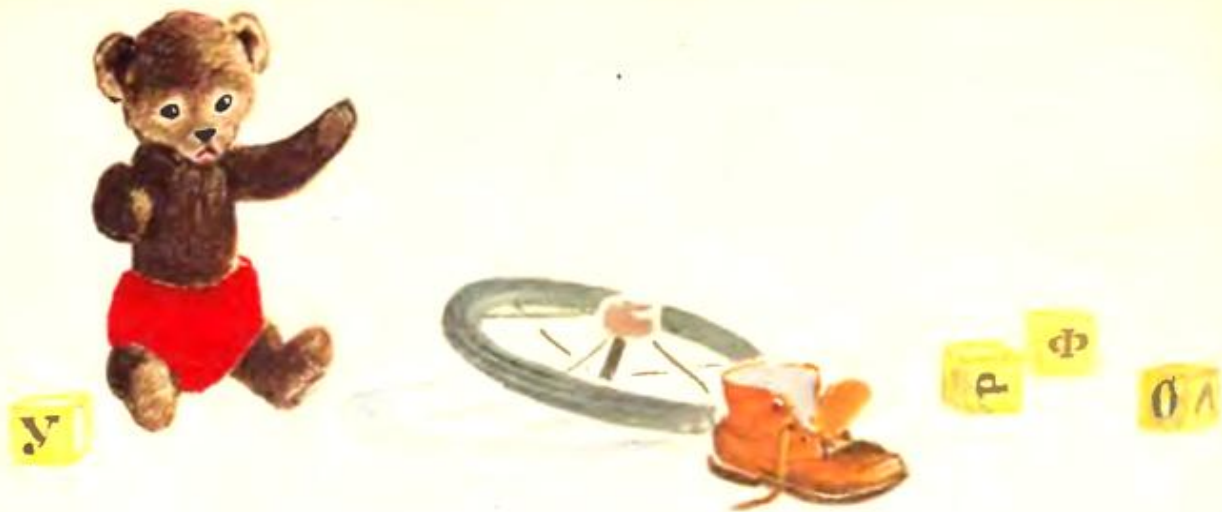
А когда Маша чисто-начисто вымыла посуду да сухо-насухо вытерла её, тогда не только мама, но и отец удивился. Удивился и при всех за столом сказал:

— Мы и не заметили, как Мария выросла. Не только пол метёт, но и посуду моет.

Теперь все маленькую Машу называют большой. И она себя взрослой чувствует, хотя и ходит в своих крошечных туфельках и в коротеньком платьице. Без причёски. Без бус. Без часов.

Не они, видно, маленьких большими делают.

КАК МИША ХОТЕЛ МАМУ ПЕРЕХИТРИТЬ

Пришла Мишина мама домой и руками всплеснула:
— Как же это ты, Мишенька, сумел у велосипеда колесо сломать?

— Оно, мама, само сломалось.

— А почему у тебя, Миша, рубашка разорвана?

— Она, мамочка, сама разорвалась.

— А куда твой второй башмак делся? Где ты его потерял?

— Он сам, мама, куда-то потерялся.

Тогда Мишина мама сказала:

— Какие они все нехорошие. Их, негодников, нужно проучить!

— А как?— спросил Миша.

— Очень просто,— ответила мама.— Если они научились сами ломаться, сами разрываться и сами теряться— пусть научатся сами чиниться, сами зашиваться, сами находиться. А мы с тобой, Миша, дома посидим и пождём, когда они это всё сделают.

Сел Миша у сломанного велосипеда, в разорванной рубашке, без башмака, и крепко задумался. Видимо, было над чем задуматься этому мальчику.

САМОЕ СТРАШНОЕ

Вова рос крепким и сильным мальчиком. Все боялись его. Да и как не бояться такого! Товарищей он бил. В девочек из рогатки стрелял. Взрослым рожи строил. Собаке Пушку на хвост наступал. Коту Мурзею усы выдёргивал. Колючего ёжика под шкаф загонял. Даже своей бабушке грубил.

Никого не боялся Вова. Ничего ему страшно не было. И этим он очень гордился. Гордился, да недолго.

Настал такой день, когда мальчики не захотели с ним играть. Оставили его — и всё. Он к девочкам побежал. Но и девочки, даже самые добрые, тоже от него отвернулись.

Кинулся тогда Вова к Пушку, а тот на улицу убежал. Хотел Вова с котом Мурзеем поиграть, а кот на

шкаф забрался и недобрыми зелёными глазами на мальчика смотрит. Сердится

Решил Вова из-под шкафа ёжика выманить. Куда там! Ёжик давно в другой дом жить перебрался.

Подошёл было Вова к бабушке. Обиженная бабушка даже глаз не подняла на внука. Сидит старенькая в уголке, чулок вяжет да слезинки утирает.

Наступило самое страшное из самого страшного, какое только бывает на свете: Вова остался один. Один-одиношечек!

ДВОЙКА

На школьном дворе жила кудлатая собачонка. Её звали Двойка. За что ей дали такую кличку, никто не знал. Но малыши всё равно обижали её.

— Ах ты, негодная Двойка!.. — кричали они. — Вот тебе!.. Вот тебе!..

В Двойку бросали комья земли, загоняли её в кусты. Она жалобно скулила.

Однажды учительница Мария Ивановна увидела это, подозвала ребят и сказала:

— Разве можно плохо относиться к собаке только

за то, что у неё плохое имя? Мало ли кому на свете даны плохие имена. Ведь не по ним судят.

Малыши смолкли. Задумались над этими словами. А потом приласкали Двойку и угостили её кто чем мог. Вскоре оказалось, что Двойка очень хорошая и понятливая собачонка. Её даже хотели назвать Пятёркой, но одна девочка сказала:

— Ребята, разве дело в имени?..

ПРО НОС И ЯЗЫК

У Кати было два глаза, два уха, две руки, две ноги, а язык — один и нос — тоже один.

— Скажи, бабушка, — просит Катя, — почему это у меня всего по два, а язык один и нос один?

— А потому, милая внучка, — отвечает бабушка, — чтобы ты больше видела, больше слышала, больше делала, больше ходила и меньше болтала и нос свой курносый куда не надо не совала.

Вот, оказывается, почему языков и носов бывает только по одному.

Ясно?

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Хороший ветерок подул. Ровный. В такой ветер только змей пускать. Высоко летает бумажный змей. Туго нитку натягивает. Весело мочальный хвост развеивает.

Задумал Боря свой змей сделать. Бумага у него была. И дранки он выстрогал. Недоставало мочала на хвост да ниток, на которых змей пускают.

Нитки были у Сёмы. Целый моток. Ему бы лист бумаги да мочала на хвост достать — тоже бы свой змей запустил.

Мочало у Пети было. Он его давно для змея припас. Ниток только ему не хватало да бумажного листа с дранками.

У всех всё есть, а у каждого чего-нибудь да не хватает.

Сидят мальчики на пригорке и горюют. Боря свой лист с дранками к груди прижал, Сёма свои нитки в кулак зажал, Петя своё мочало за пазухой прячет.

Хороший ветерок дует. Ровный. Другие ребята змей в небо запустили. Высоко летает бумажный змей. Туго нитку натягивает. Весело мочальный хвост развеивает.

Боря, Сёма и Петя тоже бы такой змей могли запустить. Даже лучше. Только дружить они ещё не научились, вот в чём беда.

ПТИЧЬИ ДОМИКИ

Вася и Ваня ещё в третьем классе решили стать строителями. Большие дома решили строить. Но это ещё не скоро будет. А строить хочется.

Вот и придумали два товарища с маленьких домов начинать. С птичьих домиков.

Хоть и прост дом для скворцов, а строить его не просто. В прошлом году ребята много наделали скворечниц, да только скворцы не стали в них жить. Со щелями оказались домики. И гвозди внутри торчали. А скворцы — птицы разборчивые: не во всяком доме живут.

Знают это Вася и Ваня. Доски остругивают гладко. Сколачивают их плотно, чтобы ни одной щели не осталось. И гвозди аккуратно вбивают.

Сразу видно — хорошие строители вырастут из этих ребят. И дома, которые построят Вася и Ваня, будут такими же прочными и удобными, как и птичьи домики.

Большие мастера видны и в ребячьих делах...

ПИЧУГИН МОСТ

По пути в школу ребята любили разговаривать о подвигах.

— Хорошо бы,— говорит один,— на пожаре ребёнка спасти!

— Даже самую большую щуку поймать — и то хорошо,— мечтает второй.— Сразу про тебя узнают.

— Лучше всего первым на Луну полететь,— говорит третий мальчик.— Тогда уж во всех странах будут знать.

А Сёма Пичугин ни о чём таком не думал. Он рос мальчиком тихим и молчаливым.

Как и все ребята, Сёма любил ходить в школу короткой дорогой через речку Быстрянку. Эта маленькая речка текла в крутых бережках, и перескакивать через неё было очень трудно.

В прошлом году один школьник не доскочил до того берега и сорвался. В больнице даже лежал. А этой зимой две девочки переходили речку по первому льду и оступились. Повымокли. И тоже крику всякого было много.

Ребятам запретили ходить короткой дорогой. А как длинной пойдёшь, когда короткая есть!

Вот и задумал Сёма Пичугин старую ветлу с этого берега на тот уронить. Топор у него был хороший. Дедушкой точенный. И стал он рубить им ветлу.

Нелёгким оказалось это дело. Уж очень была толста ветла. Вдвоём не обхватишь. Только на второй день рухнуло дерево. Рухнуло и легло через речку.

Теперь нужно было обрубить у ветлы ветви. Они путались под ногами и мешали ходить. Но, когда обрубил их Сёма, ходить стало ещё труднее. Держаться не за что. Того гляди, упадёшь. Особенно, если снег.

Решил Сёма приладить перильца из жердей.

Дед помог.

Хороший мостишко получился. Теперь не только ребята, но и все другие жители стали ходить из села в село короткой дорогой. Чуть кто в обход пойдёт, ему обязательно скажут:

— Да куда ты идёшь за семь вёрст киселя хлебать! Иди напрямик через Пичугин мост.

Так и стали его называть Семёной фамилией — Пичугин мост. Когда же ветла прогнила и ходить по ней стало опасно, колхоз настоящий мосток перекинул. Из хороших брёвен. А название мосту осталось прежнее — Пичугин.

Вскоре и этот мост заменили. Стали спрямлять шос-

сейную дорогу. Прошла дорога через речку Быстрянку, по той самой короткой тропинке, по которой ребята бегали в школу.

Большой мост возвели. С чугунными перилами. Такому можно было дать громкое название. Бетонный, скажем... Или какое-нибудь ещё. А его всё по-старому называют — Пичугин мост. И никому даже в голову не приходит, что этот мост можно назвать как-то по-другому.

Вот оно как в жизни случается.

ДЛЯ ЧЕГО РУКИ НУЖНЫ

Петя с дедушкой были большими друзьями и любили задавать друг другу разные вопросы.

Спросил как-то дедушка внука:

— А для чего, Петенька, людям руки нужны?

— Чтобы в мячик играть,— ответил Петя.

— А ещё для чего?— спросил дед.

— Чтобы ложку держать.

— А ещё?

— Чтобы кошку гладить.

— А ещё?

— Чтобы камешки в речку бросать...

Весь вечер отвечал Петя дедушке. Правильно отвечал. Только он маленький был и обо всех других людях по своим рукам судил, а не по трудовым, рабочим рукам, которыми вся жизнь, весь белый свет держится.

ДЕЖУРНЫЕ СЁСТРЫ

Наташу и Соню прозвали „дежурные сёстры“. Как кто-нибудь из знакомых или соседей прихворнёт, Наташа и Соня тут как тут:

— Что у вас болит? Покажите язык. Температуру измеряли? Доктор был?

Если не был — вызовут. Если был — начинают лечить так, как он велел. Микстуру подают. Грелку ставят.

Как-то захворала соседка Вера Михайловна. Она была детским врачом.

Как только Наташа с Соней прослышали об этом, живёхонько прибежали к Вере Михайловне:

— Как вы себя чувствуете? Покажите язык! Скажите „а-а-а“...

И так они её принялись лечить, что бедной Вере Михайловне даже соснуть было некогда. Через каждые полчаса температуру измеряют. Киселём кормят... Воду подают.

Молчит Вера Михайловна. Терпит. Всё исполняет.

Хоть и трудновато у Наташи с Соней лечиться, а приятно ей, старому детскому доктору, что такая хорошая смена подрастает. Умелая. Чуткая. Заботливая.

УДАЧЛИВЫЙ РЫБАК

На реке Усолке удили рыбу трое взрослых рыбаков. Целое утро просидели с удочками и едва наловили десятка плотвиц. А сидевший поодаль паренёк то и дело таскал рыбку за рыбкой и за утро поймал их не меньше сорока.

Тогда рыбаки спросили паренька:

— Почему у тебя такая удача, а у нас нет? Может быть, это место рыбное?

— Да нет, — ответил паренёк, — у меня всякое место рыбное.

Сказал он так и потянул за шнур. Потянул за шнур и вытянул пухлую бутылку из прозрачного стекла. Бутылка была наполнена водой, а в воде кишмя кишел отборный красный мотыль.

— Рыба видит его, а съесть не может. Вот и держится у бутылки целой стаей, а я свой крючок возле бутылки закидываю. Р-раз — и готово! — смеётся паренёк.

„Хитёр!“ — подумали рыбаки и переняли у мальчика умную затею.

НОВЫЕ ИМЕНА

У главного конюха, у Корнея Сергеевича, водились хорошие охотничьи собаки. Щенков от этих собак Корней всегда раздавал колхозным ребятишкам.

Вот и на этот раз семеро маленьких счастливцев с нетерпением ждали того дня, когда щенки немного подрастут и можно будет их взять у матери.

— Только чур, — говорит Корней, — я отдам вам щенят

с одним уговором. Пусть каждый придумает своему щенку новое имя. Придумает и держит про себя. Чтобы другие не повторяли. А то в нашем селе и без того бегают десятком Полканов да штук двадцать Стрелок, а уж Шариков — и не пересчитаешь сколько. Нужны новые имена.

— Придумаем, — сказали ребята. И придумали.

Настал день, когда можно было раздать детям щенков. Пришли ребята к Корнею Сергеевичу, и каждый шепнул ему на ухо новое, неслыханное в селе имя.

Шепнул первый мальчик — дядя Корней похвалил его. Шепнул второй — Корней Сергеевич тоже похвалил, но улыбнулся. Шепнул третий — старик захохотал. До шестого очередь дошла — весёлый дяденька Корней еле прокашлялся от смеха.

— Над чем это он? — удивляются ребята.

А когда они объявили вслух имена своих питомцев, всем стало смешно. Потому что шестерых щенят назвали Лайками, а одного Ракетой.

Ничего не сделаешь. В том году это были самые новые имена.

РАКИ

Речка Берёзовка хоть и маленькая, да рыбная. А вот раков в Берёзовке не было. Перевелись раки, да и всё.

— В старые годы, когда мы мальчишками были, по сотне, по две раков из Берёзовки добывали,— рассказывал Ванин дедушка.

И Тишина бабушка говорила то же самое.

А в соседней речке Вертушинке раки не переводились. Только ходить туда было далеко. Через лес, да ещё через болото.

Как-то Тиша сказал Ване:

— Давай, Ванёк, наловим по корзинке вертушинских раков да и выпустим их в нашу Берёзовку.

— А зачем?— спросил Ваня.

— Чтобы они опять развелись.

— Да, пока они разведутся, их ребята всех до одного повыловят.

Не стал спорить Тиша, хоть и знал, что нельзя всех раков выловить. Пусть сотня, да останется. А эта сотня столько икры вымечет, что раков потом и не считаешь.

На этом и кончился разговор.

Прошёл год... Ваня и Тиша уже в третий класс перешли. И, как раньше, в свободное от занятий время удили рыбу.

Как-то закинул Ваня крючок на ерша, а поймал озорного рачонка.

— Тиша!— закричал Ваня.— У нас в речке раки сами собой развелись!

Тиша увидел молоденького рачонка и больше Вани обрадовался. Выходит, что не зря он прошлым летом на Вертушинку ходил. Один. Через лес, да ещё через болото.

ЧУЖАЯ КАЛИТКА

Алёша Хомутов рос мальчиком старательным, заботливым и работающим. За это его очень любили в семье. Больше всех Алёшу любил дедушка. Любил и как мог помогал ему расти хорошим человеком.

Попросит Алёша научить его ловушки на хорьков ставить — пожалуйста! Трудно ли деду показать, как эти ловушки ставятся?

Дрова пилить вздумает Алёша — милости просим! Дед за одну ручку пилы держится, внук — за другую. Помучится парень да научится.

Так и во всём... Красить ли крылечко захочет малец, огурцы ли на окошке в ящике выращивать — дедушка никогда не отказывал.

Вот так и жил Алёша. Всех в своей большой семье радо-

вал и сам радовался, трудовым человеком себя чувствовал.

Хорошо на свете жить, когда у тебя дело есть, когда руки у тебя хваткие. Даже в пасмурный день на душе светло и весело. Но как-то и с Алёшей случилось такое, что пришлось призадуматься.

Всё началось с того, что пошёл он с дедом в лес тетеревов добывать. А дорога в лес шла через садовый питомник, где выращивались молодые деревца. Питомник был хорошо огорожен, чтобы стадо не забредало и не топтало саженцы и зайцы чтоб не забирались: а то обгложут кору молодых яблонек или груш — и конец.

Подошли Алёша с дедом к питомнику и видят, что калитка открыта. Хлопает калитка на ветру, щеколда у неё оторвана.

Алёша и говорит дедушке:

— Хозяева тоже мне! Щеколду привернуть не могут! Потому что чужая это калитка и никому до неё нет дела. Правда, дедушка?

— Что там говорить, Алёшенька, хозяева неважные, — поддержал дедушка разговор. — Ведь и петли у калитки не худо бы сальцем смазать, а то, того и гляди, переест их ржа и свалится калитка на землю.

— Конечно, свалится, — согласился Алёша. — Она и так еле-еле держится. Плохо, дедушка, быть чужой калиткой.

— Да уж куда хуже,— засмеялся дед.— То ли наша калитка. И синей красочкой покрашена, и петельки нутряным сальцем смазаны, и щеколда у неё звенит „трень-брень“, как музыка. Своё, оно и есть своё...— Дед хитровато посмотрел на внука, и они пошли дальше.

Долго ходили по лесу. Трёх тетеревов добыли и двух рябчиков. Находились по лесным чащобам да колдобинам так, что еле ноги волочат. Отдохнуть бы охотникам, да сыро в лесу.

Дед говорит:

— Сейчас на просеку выйдем, там скамейка есть.

Вышли на просеку. Смотрит Алёша— и правда скамейка стоит, в землю вкопанная. Почернела от времени, столбики мохом поросли. Обрадовался Алёша, сел на скамью, как на диван, и ноги вытянул. Хорошо!

Посидел Алёша, отдохнул немного и спрашивает:

— А чья это скамейка, деда?

— Да ничья,— ответил дед.— Общая.

— Но ведь кто-то же сделал её и в землю вкопал?

— Конечно. Не сама же скамья сделалась и в землю вкопалась. Какой-то хороший человек её смастерил, который не о себе одном думает, а обо всех людях.

— А кто он, дедушка, этот человек?

— Откуда мне знать? Может быть, лесник какой или просто сердечный старик, а может быть, и малый вроде тебя. Никто того человека не знает, а все спасибо ему говорят. Жаль вот только скамейке этой скоро конец придёт. Столбики у неё подопрели. Да и доска черным-черна. Не то что наша скамеечка у ворот— ухоженная да покрашенная.

Задумался Алёша над дедовыми словами. Всю дорогу молчал и дома за столом тоже молчал.

— Устал, наверно, милый сын?— спросил Алёшу отец.

— А может, с дедом не поладил?— спросила бабушка.

— Да нет,— отмахнулся Алёша,— не устал я и с дедушкой поладил.

Прошла неделя, а может быть, и две.

Опять отправились дед с внуком на охоту. Подошли они к садовому питомнику. Глядит дед — и глазам не верит. Щеколда у калитки привинчена, петли салом смазаны, а сама калитка синей краской покрашена, сияет, как небо в мае месяце.

— Алёшка, ты погляди, — указывает дед, — никак, у чужой калитки родня появилась.

— Наверно, — отвечает Алёша и дальше идёт.

Шли они по старой дороге и на просеку вышли. Добрались до скамейки, где в прошлый раз отдыхали,

а скамейку не узнать: столбики новые вкопаны, доска той же синей краской покрашена, что и калитка, да ещё спинка у скамьи появилась.

— Вот тебе и на!— удивился дед.— И у ничьей скамейки хозяин нашёлся. Знал бы я этого мастера, в пояс бы ему поклонился и руку пожал.

Тут дед посмотрел на Алёшу и спросил:

— А ты не знаешь этого мастера, внучек?

— Знаю, дедушка, только он называть себя не велел.

— Это почему же?

— Не любит он хвалиться. Да и не он один всё это делал.

Дед заглянул внуку в глаза и сразу догадался, кто скамейку починил, кто щеколду привинтил и калитку покрасил. Глаза у внука были ясные и счастливые.

— Приходит, значит, такое время, Алексей,— сказал дед,— когда всё оказывается своим да нашим.

За лесом в это время поднялось позднее зимнее солнце. Оно осветило дым далёкого завода. Алёша любовался золотистым дымом. Дед заметил это и снова заговорил:

— А завод-то, Алёша, который дымит, тоже может ничьим показаться, если глядеть на него, не подумавши. А он наш, как и вся наша земля и всё, что на ней есть.

НАДЁЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

На первой парте в первом классе сидел сын отважного лётчика-испытателя Андрюша Рудаков. Андрюша был крепким и смелым мальчиком. Он всегда защищал тех, кто послабее, и за это все в классе любили его.

Рядом с Андрюшей сидела маленькая худенькая девочка Ася. То, что она была маленькая и слабенькая, ещё можно было простить, но то, что Ася была труслива,—с этим Андрюша никак не мог примириться. Асю можно было испугать, сделав ей страшные глаза. Она боялась каждой встречной собачонки, убегала от гусей. Даже муравьи и те её страшили.

Очень неприятно было Андрюше сидеть на одной парте с такой трусихой, и он всячески старался избавиться от Аси. А её не пересаживали.

Однажды Андрюша принёс в стеклянной банке боль-

шого паука. Увидев страшилище, Ася побледнела и тут же перебежала на другую парту.

С этого и началось... Два дня Ася сидела одна, и учительница Анна Сергеевна будто бы не замечала этого, а на третий день она попросила Андрюшу остаться после уроков.

Андрюша сразу догадался, в чём дело, и, когда все ушли из класса, он, чувствуя себя виноватым, смущённо сказал учительнице:

— Я ведь не зря принёс паука. Я хотел приучить Асю ничего не бояться. А она опять испугалась.

— Что ж, верю тебе, — сказала Анна Сергеевна. — Кто как умеет, тот так и помогает расти своим товарищам, а я тебя позвала, чтобы рассказать одну маленькую историю.

Она усадила Андрюшу на его место за партой, а сама села рядом — на Асино.

— Много лет назад в этом же классе сидели мальчик и девочка. Сидели так же, как сейчас сидим мы. Мальчика звали Вовой, а девочку — Аней. Аня росла болезненным ребёнком, а Вова рос сильным и здоровым мальчуганом. Аня часто хворала, и Вова приходилось помогать ей учить уроки. Однажды Аня поранила гвоздём ногу. Да так поранила, что не могла приходить в школу: ни башмак нельзя надеть, ни валенок. А шла уже вторая четверть. И как-то Вова пришёл к Ане и сказал: „Аня, я тебя буду возить в школу на саночках“. Аня обрадовалась, но запротивилась: „Что ты, что ты, Вова! Это будет очень смешно. Над нами будет хохотать вся школа...“ Но настойчивый Вова сказал: „Ну и пусть хохочут!“ С этого дня Вова ежедневно привозил и отвозил на саночках Аню. Сначала ребята смеялись над ним, а потом сами стали помогать. К весне Аня поправилась и смогла вместе со всеми ребятами перейти в следующий класс. На этом я могу закончить рассказ, если тебе не захочется узнать, кем стали Вова и Аня.

— А кем?— нетерпеливо спросил Андрюша.

— Вова стал прекрасным лётчиком-испытателем. Это твой отец, Владимир Петрович Рудаков. А девочка Аня теперь твоя учительница Анна Сергеевна.

Андрюша опустил глаза. Так просидел он за своей партой долго. Он живо представлял саночки, девочку Аню, которая теперь стала его учительницей, и мальчика Вову, своего отца, на которого ему так хотелось походить.

Наутро Андрюша стоял у крыльца дома, где жила Ася. Ася, как всегда, появилась со своей бабушкой. Она боялась ходить в школу одна.

— Доброе утро,— сказал Андрюша Асиной бабушке.

Потом поздоровался с Асей.—Если хочешь, Ася, пойдём в школу вместе.

Девочка испуганно посмотрела на Андриюшу. Это он нарочно говорит так приветливо, от него можно ожидать всего. Но бабушка заглянула в глаза мальчику и сказала:

— С ним тебе, Асенька, будет сподручнее, чем со мной. Он и от собак отобьётся и мальчишкам в обиду не даст.

— Да,—тихо, но очень твёрдо сказал Андриюша.

И они пошли вместе. Они шли мимо незнакомых собак и шипящих гусей. Они не уступили дорогу бодливому козлу-задире. И Асе не было страшно.

Рядом с Андриюшей она вдруг почувствовала себя сильной и смелой.

СМОРОДИНКА

Танюша много слышала о черенках, а что это такое — не знала.

Однажды отец принёс пучок зелёных прутиков и сказал:

— Это смородиновые черенки. Будем, Танюша, смородину сажать

Стала Таня разглядывать черенки. Ничего особенного, палочки как палочки — чуть длиннее карандаша. Удивилась Танюша:

— Как же из этих палочек вырастет смородина, когда у них нет ни корешков, ни веточек?

А отец отвечает:

— Зато на них почки есть. Из нижних почек пойдут корешки. А вот из этой, верхней, вырастет смородиновый куст.

Не верилось Танюше, что маленькая почка может стать большим кустом. И решила проверить. Сама решила смородинку вырастить. В палисаднике. Перед избой, под самыми окнами.

А там лопухи с репейниками росли. Да такие цепкие, что и не сразу выполешь их.

Бабушка помогла. Повыдергали они лопухи да репейники, и принялась Танюша землю вскапывать. Нелёгкая это работа. Сперва надо дёрн снять, потом комья разбить. А дёрн у земли толстый да жёсткий. И комья твёрдые.

Много пришлось поработать Тане, пока земля покори­лась. Мягкой стала да рыхлой.

Разметила Таня шнурком и колышками вскопанную землю. Всё сделала, как отец велел, и посадила рядками смородиновые черенки. Посадила Таня черенки и принялась ждать.

Пришёл долгожданный день. Проклюнулись из почек ростки, а вскоре появились и листочки.

К осени из ростков поднялись небольшие кустики.

А ещё через год они зацвели и дали первые ягоды. По маленькой горсточке с каждого куста.

Довольна Таня, что сама смородину вырастила. И люди радуются, глядя на девочку:

— Вот какая хорошая „смородинка“ у Калинниковых растёт. Настойчивая. Работящая. Черноглазая, с белой ленточкой в косе.

ЗНАКОМЫЕ СЛЕДЫ

Никишин дедушка был садоводом в колхозе. А в свободное время любил на охоту ходить. Хорошим он был охотником. Все тайны лесные знал.

Как-то показывал он своему внуку следы в лесу. Показывал да приговаривал:

— Век живи, век учись и во всё вникай. Никакое знание человеку во вред не бывает.

А Никиша слушал да думал про себя: „Все старики любят ребят поучать. Ну зачем мне звериные следы знать, когда я машинистом стать собираюсь. Электрические поезда водить“.

О поездах только и думал Никиша. Каждый болтик, каждую мелочь на электровозе разглядывал.

Ребята тоже бегали вместе с ним на поезда смотреть.

Довелось как-то им возвращаться со станции в своё село прямой дорогой через лес. Ближе и веселее.

Хорошо бежится по первому снегу. А на снегу множество всяких следов. Какой след чей, ребята не знают,

а бегают по ним: вдруг да лисицу увидят или дикого козлика. С зайцем и то неплохо встретиться.

Бегали так они, бегали по следам — и заблудились. Испугались ребята. Кое-кто даже слезу пустил.

— Это твоя затея, Никишка... Как мы теперь выберемся, когда все тропинки снегом засыпало?

Молчит Никиша, не оправдывается. Думает, как ребят на дорогу вывести. Кричать стал. Да кто услышит его в глухом зимнем безлюдном лесу.

И вдруг Никиша увидел знакомые следы. Изо всех следов, которые ему дед показывал, он только эти запомнил.

— Ура, ребята!— крикнул Никиша.— Идите за мной. Я вас к жилью выведу.

Долго шли ребята по этим следам и вышли к жилью. К лесниковой сторожке. А от сторожки до села наезженная дорога. И ночью не заблудишься.

— По каким же таким следам ты нас вывел?— спросили ребята Никишу.

— По собачьим,— ответил он.— Собачьи следы всегда к жилью выводят. Потому что сколько ни бегает собака по лесу— обязательно домой прибежит. Так дедушка меня учил.

Домой Никиша пришёл усталый, но счастливый. Улучив минутку, он обнял дедушку и принялся что-то шептать ему на ухо.

Наверное, спасибо говорил милому дедушке.

ХИТРЫЙ КОВРИК

Сказка

Умной Машенька росла, да не всё понимала.

Пошла она как-то в лес и ужалилась о Крапиву.

— Ах ты, такая-сякая колючая! Зачем только ты на свете живёшь? Один вред от тебя!

А Крапива рассмеялась на это и сказала:

— Так и о пчеле можно только по жалу судить. А пчела ведь ещё и мёд даёт.

Тут Маша как крикнет на весь лес:

— Да как ты можешь, бездельница, себя с пчелой-труженицей сравнивать!

— Вот что, — говорит Крапива, — приходи сюда осенью, я тебе ума-разума добавлю.

Не верилось Машеньке, что у Крапивы можно ума-разума набраться, но пришла. А вдруг Крапива что-то дельное скажет?

— Ну давай, добавляй мне ума-разума, а я послушаю.

А Крапива пожелтела по осени. Состарилась. Голос у неё стал скрипучий, жёсткий.

— Добудь, Машенька, рукавички,— говорит Крапива,— да выдергай меня и свяжи в пучки.

Надела Машенька рукавички. Выдергала Крапиву и связала в пучки.

— А теперь,— говорит Крапива,— вымочи меня в речке и потом подсуши.

Вымочила Маша Крапиву, подсушила на солнышке и спрашивает:

— Ещё что придумаешь?

— Теперь,— говорит Крапива,— ломай мои стебли, мни, выколачивай из них лишнее... А дальше сама увидишь...

Опять Машенька сделала всё так, как Крапива велела, и получилось тогда длинное, прочное крапивное волокно.

Задумалась Маша, а потом решила: коли есть волокно, из него можно нитки спрясть.

Спряла Маша нитки и снова задумалась. Думала, думала и решила из ниток коврик вы ткать. Выткала она коврик и вышила на нём зелёными нитками молодую весёлую крапиву.

Повесила Машенька коврик на стенку и сказала:

— Спасибо тебе, Крапива, спасибо, что ты мне ума-разума добавила. Теперь-то уж я знаю, что не всё на свете пустое да негодное, что пустым да негодным кажется.

И стала с тех пор Маша обо всём думать, во всё вникать, везде, в каждой мелочи для людей пользу выискивать. И выискала. Даже в змеином яде, в белой плесени целебную силу нашла.

А когда состарилась Маша и стала бабушкой — свой крапивный коврик малым детям завещала:

— Поглядывайте, внучата, на хитрый коврик да умишком раскидывайте. Не всё ведь ещё на свете открыто да найдено.

ВОЛШЕБНЫЕ КРАСКИ

Один раз в сто лет, в ночь под Новый год, самый добрый из всех самых добрых стариков, Дед Мороз, приносит семь волшебных красок. Этими красками можно нарисовать всё, что захочешь, и нарисованное оживёт.

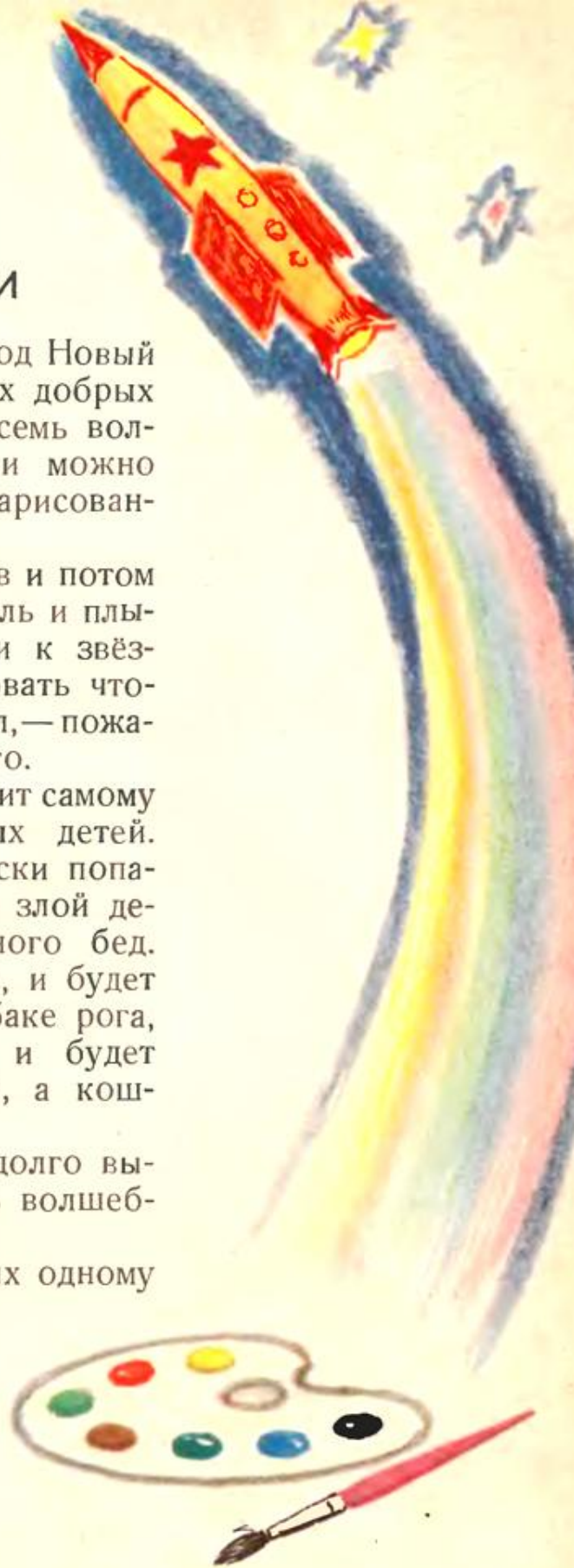
Хочешь — нарисуй стадо коров и потом паси их. Хочешь — нарисуй корабль и плыви на нём. Или звездолёт и лети к звёздам. А если тебе нужно нарисовать что-нибудь попроще, например стул, — пожалуйста. Нарисуй и садись на него.

Эти краски Дед Мороз приносит самому доброму из всех самых добрых детей. И это понятно. Если такие краски попадут в руки злому мальчику или злой девочке, они могут натворить много бед. Пририсуют человеку второй нос, и будет человек двуносым. Нарисуют собаке рога, курице — усы, а кошке — горб, и будет собака рогатой, курица — усатой, а кошка — горбатой.

Поэтому Дед Мороз очень долго выбирает, кому из детей подарить волшебные краски.

В последний раз он подарил их одному очень доброму мальчику. Самому доброму из самых добрых.

Мальчик очень обрадовался подарку и тут же принялся

рисовать. Он нарисовал бабушке тёплый платок, маме — нарядное платье, а отцу — новое охотничье ружьё. Слепому старику мальчик нарисовал глаза, а своим товарищам — большую-пребольшую школу.

Но никто не мог воспользоваться нарисованным. Платок для бабушки был похож на тряпку для мытья полов, а платье, нарисованное матери, оказалось таким кособоким, пёстрым и мешковатым, что она его не захотела даже примерить. Ружьё ничем не отличалось от дубины. Глаза для слепого напоминали две голубые кляксы, и он не мог ими видеть. А школа, которую очень усердно рисовал мальчик, получилась до того уродливой, что к ней даже боялись подходить близко.

На улице появились деревья, похожие на метёлки. Появились лошади с проволочными ногами, автомобили с кривыми колёсами, дома с падающими стенами и крышами набекрень, шубы и пальто, у которых один рукав был длиннее другого... Появились тысячи вещей, которыми нельзя было воспользоваться. И люди ужаснулись:

— Как ты мог сотворить столько зла, самый добрый из всех самых добрых мальчиков?!

И мальчик заплакал. Ему так хотелось сделать людей счастливыми!.. Но он не умел рисовать и только зря извёл краски.

Мальчик плакал так громко, что его услышал самый

добрый из всех самых добрых стариков — Дед Мороз. Услышал и вернулся к нему и положил перед мальчиком новую коробку с красками:

— Только это, мой друг, простые краски. Но они могут тоже стать волшебными, если ты этого очень захочешь.

Так сказал Дед Мороз и удалился.

А мальчик задумался. Как же сделать, чтобы простые краски стали волшебными и чтобы они радовали людей, а не приносили им несчастье? Добрый мальчик достал кисть и принялся рисовать.

Он рисовал, не разгибаясь, весь день и весь вечер. Он рисовал и на другой, и на третий, и на четвёртый день. Рисовал до тех пор, пока не кончились краски. Тогда он попросил новые.

Прошёл год... Прошло два года... Прошло много-много лет. Мальчик уже давно стал взрослым, но по-прежнему не расставался с красками. Глаза его стали зоркими, руки стали умелыми, и теперь на его рисунках вместо кривых домов с падающими стенами красовались высокие, светлые здания, а вместо платьев, похожих на мешки, — яркие, нарядные одежды.

Мальчик не заметил, как стал настоящим художником. Он рисовал всё, что было вокруг, и то, что ещё никто никогда не видел: самолёты, похожие на огромные стрелы, и корабли, похожие на самолёты, воздушные мосты и дворцы из стекла.

Люди с удивлением смотрели на его рисунки, но никто не ужасался. Наоборот, все радовались и восхищались.

— Какие чудесные картины. Какие волшебные краски! — говорили они, хотя краски были самые обыкновенные.

Картины и вправду были так хороши, что людям захотелось их оживить. И вот настали счастливые дни,

когда нарисованное на бумаге стало переходить в жизнь: и дворцы из стекла, и воздушные мосты, и крылатые корабли...

Так случается на белом свете. Так случается не только с красками, но и с обыкновенным топором или швейной иглой и даже с простой глиной. Так случается со всем, к чему прикасаются руки самого великого из самых великих волшебников — руки трудолюбивого, настойчивого человека.

СОДЕРЖАНИЕ

Первая рыбка	3
Торопливый ножик	6
Как Маша стала большой	7
Как Миша хотел маму перехитрить	10
Самое страшное	12
Двойка	15
Про нос и язык	17
Бумажный змей	18
Птичьи домики	20
Пичугин мост	22
Для чего руки нужны	27
Дежурные сёстры	28
Удачливый рыбак	30
Новые имена	32
Раки	34
Чужая калитка	36
Надёжный человек	42
Смородинка	46
Знакомые следы	50
Хитрый коврик	54
Волшебные краски	59

Цена 63 коп.

Для дошкольного возраста

Пермяк Евгений Андреевич

ЧУЖАЯ КАЛИТКА

Ответственный редактор К. Д. Ариэ. Художественный редактор Г. Ф. Орлов-
ский. Технический редактор С. К. Прушкова. Корректор Г. П. Лейбензон.
Сдано в набор 4/VII 1962 г. Подписано к печати 3/XII 1962 г.
Формат 62×90%, 8 печ. л. (7,53 уч. изд. л.). Тираж 150 000 экз. III 1962 № 78.
Детиздат Москва, М. Черкасский пер., 1.

Полиграфкомбинат, г. Калинин, пр. Ленина, 5. Заказ 76 802.

МАДОУ детский сад № 2
г. Ивделя